

Прошло всего четверть часа, как Тан Фэн начал делать массаж, и Линь Юй уснул.

Мужчина осторожно поправил положение его тела, прежде чем натянуть одеяло на них двоих. Он посмотрел на спящего Линь Юя, протянул руку и осторожно коснулся его бровей, а затем любяще поцеловал в лоб. После этого Тан Фэн потушил лампу и уснул, обнимая теплое тело своего фулана.

Линь Юй проснулся утром и почувствовал, что его ноги немного болят. Вчера он весь день провел в воде в пруду, что было очень утомительно; неудивительно, что у него болели мышцы.

— Ты проснулся. Иди завтракать, — Тан Фэн открыл дверь, глядя на Линь Юя в кровати.

— Муж, почему ты проснулся так рано?

... Или это он поздно проснулся?!

Линь Юй поспешно встал, взял одежду, лежащую рядом с подушкой, и начал ее надевать. Он понятия не имел, который сейчас час. Тан Фэн увидел панику Линь Юя и быстро объяснил:

— Не торопись, Амо и отец еще не встали. Это я сегодня проснулся рано. Вы все вчера достаточно устали, поэтому я приготовил вам завтрак, но он не так хорош, как твой.

Вопреки намерению Тан Фэна, когда Линь Юй услышал, что его муж готовил сам, он даже почувствовал, что он плохой фулан. Тан Фэн и без того занят изучением медицины и подготовкой к экзамену, но теперь он еще и взял на себя чужую обязанность по приготовлению еды. Похоже, в будущем ему придется вставать раньше, тайно решил Линь Юй.

Тан Фэн сварил кашу в кастрюле, нарезал кимчи полосками и добавил немного соли и перца чили, что было самым простым рецептом каши.

Линь Юй ел больше всех, потому что ему особенно нравился вкус кимчи.

— Думаю, мы можем продать это в городе, — Тан Фэн начал разговор, указывая палочками на опустевшую миску с кимчи, когда увидел, что все почти закончили есть.

Глаза родителей Тан загорелись. Линь Юй тоже был ошеломлен.

— Эта закуска действительно вкуснее, чем соленые овощи. И она хорошо сочетается с рисом. Но никто раньше этого не ел... — Тан Амо беспокоился, что новый продукт никого не заинтересует.

— Кое-кто ел, — слегка улыбнулся Тан Фэн, — мы, например. Кроме того, мы можем специально поставить миску кимчи для тех, кто захочет попробовать. Если им придется по вкусу, то разве нам ещё нужно будет волноваться, что его никто не купит?

Отец Тан хлопнул в ладоши и похвалил:

— Я думаю, это хорошая идея, мы можем попробовать.

— Тогда нам придется купить еще несколько горшков, — Линь Юй подумал, что для продажи пяти банок, возможно, будет мало.

Тан Фэн покачал головой:

— Нет, этого достаточно, потому что после того, как содержимое банки закончится, мы можем напрямую использовать рассол из неё, чтобы замариновать новую порцию овощей. Их можно будет есть уже через два дня, так что пяти горшков хватит.

Как только эти слова прозвучали, муж и жена Тан, а также Линь Юй были шокированы.

— Неужели это возможно? Тогда это будет чистая прибыль! — Тан Амо не мог в это поверить.

— Верно, поэтому я и хочу отвезти в город на продажу только пять банок. Нужно взять с собой небольшой табурет, миску, пару палочек для еды - и этого будет вполне достаточно, — сказал Тан Фэн.

В банке может поместиться около десяти катти кимчи, не считая воды.

Отец Тан был полон одобрения:

— Но что за цена, у тебя есть план?

Тан Фэн уже подумал об этом:

— Вся выручка будет чистой прибылью, к тому же, это закуска крестьянской семьи. Давайте установим медную монету за катти. Мы сможем обсудить это ещё раз после того, как попробуем в первый раз.

— Не слишком ли это дешево? — Тан Амо был немного расстроен.

— Как раз потому, что это дешево, люди и будут это покупать, — возразил Линь Юй.

Тан Фэн кивнул и посмотрел на всех.

— Да, в горшке будет десять катти кимчи, не считая воды. Пять горшков – пятьдесят катти, и если удастся всё продать, то это будет пятьдесят медных монет. Поездка в город раз в три дня может сэкономить время для работы дома. Мы также можем воспользоваться этим периодом, чтобы приготовить новую порцию овощей.

Пятьдесят медных монет! Линь Юй подумал, что на эти деньги он мог бы купить два катти пшеничной муки для своего мужа!

Пятьдесят медных монет! Тан Амо был рад: он может купить несколько катти свинины!

Пятьдесят медных монет! Отец Тан был потрясен: это стоит десятка его плетеных бамбуковых корзин!

Кровь отца Тан вскипела, и он хлопнул по столу, решив:

— Хорошо! Всё! Я приготовлю нашу тележку, чтобы мы на ней отвезли банки.

В семье Тан не было ни осла, ни быка, только тележка. Во время сбора урожая семья использовала её, чтобы перевозить зерно.

Поход на рынок раз в три дня позволит не задерживать работу дома и не терять время на приготовление кимчи. Даже если оно не будет распродано сразу, можно оставить его на несколько дней.

Однако в настоящее время в деревне все заняты прудами с рыбой. Семья Тан не может уехать в город, даже если захочет, поэтому им придется подождать, пока пройдут эти несколько дней, прежде чем снова подумать о своих планах.

Сегодня отец Тан и Тан Амо пошли проверить пруд с рыбой на западе. Вчера там играли дети, поэтому сегодня взрослым пришлось пойти помочь очистить его.

Тан Амо вышел за компанию, посмотреть на веселье. Тан Фэн почувствовал, что погода хорошая, поэтому потащил Линь Юя прогуляться по деревне.

Большинство жителей деревни пошли к пруду, чтобы повеселиться, поэтому людей на улице почти не было. По дороге прогуливались только Тан Фэн и Линь Юй.

— Все пошли посмотреть пруд, может, нам тоже пойти? — Линь Юй вспомнил, что вчера, когда он ложился спать, Тан Фэн сказал, что в следующий раз он обязательно сможет отправиться ловить рыбу вместе с другими мужчинами в деревне. Очевидно, он очень хотел поучаствовать.

Тан Фэн посмотрел на овощное поле на обочине дороги и покачал головой: — Там много людей, я не смогу помочь, даже если приду, а просто встать и смотреть тоже нехорошо. Но если ты хочешь пойти, давай заглянем.

У Тан Фэна была небольшая мизофобия, поэтому он старался избегать мест с большим количеством людей. Но если бы Линь Юй захотел пойти, он, естественно, сопровождал бы его.

— Нет, я...

— Линь Юй! — робкий голос прервал слова Линь Юя.

Пара обернулась и увидела У Дэ, стоящего на обочине дороги недалеко от них с корзиной травы на спине.

Увидев Тан Фэна рядом с Линь Юем, У Дэ был ошеломлен. Он редко видел этого человека, поэтому не представлял, что Тан Фэн такой красивый.

— Это У Дэ? — Тан Фэн спросил тихим голосом. Хотя человек был миниатюрным, его глаза были чисты. Видя, как он пришел, чтобы прервать их и поприветствовать вот так, он, в конце концов, не выглядит плохим человеком.

Линь Юй кивнул, глядя на свиную траву* в корзине У Дэ:

— Почему ты не пошел посмотреть пруд с рыбками?

Глаза У Дэ немного потемнели:

— Дома много работы. Я могу погулять там в следующий раз.

На самом деле он давно не ходил на открытие прудов. Каждый раз, когда У Дэ выходил на улицу, он подсознательно избегал стоять вместе с другими герами. В конце концов, история об измене его Амо в том году была большим позором.

Тан Фэн и Линь Юй переглянулись, не зная, что сказать. У Дэ улыбнулся:

—Я вернусь первым, давай поболтаем, когда у нас будет время.

Он помахал Тан Фэну и Линь Юю, прежде чем медленно уйти с корзиной на спине, большей, чем он сам.

Тан Фэн собирался сказать что-то Линь Юю, но когда он повернул голову, то увидел

одиночество в его глазах. В глубине души мужчина знал, что его фулан, должно быть, думал о своей ситуации.

Все жители деревни гадали о причине, по которой семья Линь переехала в деревню Сяо Циншань. Правду никто не знал, но большинство людей думали, что это произошло потому, что в семье был «некрасивый» гер.

Тан Фэн никогда не спрашивал о причине переезда семьи Линь, потому что все это не имело для него значения. Важно было то, что Линь Юй теперь был его фуланом, и этого было достаточно.

Тан Фэн и Линь Юй продолжали бродить по деревне. По пути Тан Фэн рассматривал дома, мимо которых они проходили.

Здесь каждое хозяйство, будь то большой черепичный дом или дом с соломенной крышей, имеет двор, окруженный стеной. Если земельный участок достаточно большой, то организуют задний двор, где хранят дрова или расчищают небольшой огород для посадки овощей.

Больших черепичных домов в деревне было мало, меньше четверти. Остальные представляли собой в основном соломенные дома или, изредка, каменные.

Поля были хорошо организованы. Если землю нужно рыхлить, то её рыхлят, если надо что-то посадить, то сажают так, чтобы не осталось пустовать ни кусочка земли. Это то дело, в котором крестьяне наиболее способны, они не позволят простаивать впустую своим полям, ведь земля и зерно были средством к существованию фермеров.

Раздался звонкий собачий лай. Тан Фэн повернул голову на звук, взглянув на дом неподалеку.

— Хочешь вырастить одного? — спросил Линь Юй.

Глаза Тан Фэна загорелись, когда он посмотрел на него:

— Мы можем?

— Конечно, можем.

Линь Юй посмотрел на возбужденного Тан Фэна, и ему захотелось потянуть его за уши.

Когда они подошли к этому дому, Тан Фэн увидел маленькую грязную собачку, стоявшую у ворот и искоса смотрящую на них.

— Кхм, я думаю, ещё слишком рано думать об этом, — на лице Тан Фэна было выражение «я абсолютно серьезен». Линь Юй, естественно, был сосредоточен на Тан Фэне:

— Хорошо.

— А, ребята, вы здесь меня ищете?

Знакомый громкий голос зазвучал в ушах Тан Фэна и Линь Юя.

У Чжу стоял в одежде, полностью пропитанной грязью, и смотрел на пару, стоящую у ворот.

Тан Фэн взглянул на него и внезапно почувствовал, что причина, по которой эта маленькая молочная собачка была грязной, определенно простительна.

— Ты ходил помогать на пруд с рыбой?

Тан Фэн заметил, что штаны У Чжу были закатаны до колен, и он стоял на земле босиком, держа соломенную обувь в руках. С одного взгляда можно было понять, что он был у пруда.

— Хм! — У Чжу вдруг разозлился: — Лю Панцзы внезапно толкнул меня! Давай, зайдем и поговорим.

Сказав это, он открыл ворота во двор и вошел. Щенок с любовью терся о грязные ноги У Чжу, совершенно не испытывая неприязни к грязи на теле человека.

— Пойдем. Нам все равно делать нечего.

Тан Фэн затащил Линь Юя внутрь.

Дом У представлял собой деревянный дом с тремя основными комнатами и одной боковой. Двор был не таким большим, как у дома Тан, но и не маленьким.

У Чжу вымыл лицо и ноги во дворе и передвинул два табурета Тан Фэну и Линь Юю, а также взял один себе. Щенок лежал у его ног.

— Этот Лю Панцзы становится все более и более высокомерным. Я стоял далеко от него, но он все равно подбежал и сбил меня с ног. Не говоря уже о том, что это заставило меня съесть полный рот грязи, я также потерял лицо перед всей деревней!

Вспоминая об этом, У Чжу почувствовал, что землистый привкус во рту всё ещё не исчез. Он не мог не сплюнуть пару раз.

Тан Фэн, увидевший это, просто хотел закрыть глаза. Впрочем, у него не было ещё ни одной встречи с У Чжу, во время которой у него не появлялось такого порыва.

— Лю Панцзы - второй ребенок в семье Лю Лаосаня? — спросил Линь Юй. Лю Лаосань был лучшим плотником в деревне. Большой шкаф в комнате Тан Фэна тоже сделал он.

Его старший ребенок, гер, уже был женат. Лю Панцзы был единственным сыном в семье Лю, и его родители баловали его до крайности, что привело к высокомерному поведению Лю Панцзы.

Лицо У Чжу было полно недовольства.

— Точно! Это он! Ребята, вы не знаете, но сегодня Вэнь Цин тоже там был и всё видел!

Вспоминая сцену, когда белый лунный свет Вэнь Цин стоял на берегу пруда и наблюдал за его позором, У Чжу преисполнился убийственного намерения по отношению к Лю Панцзы.

Тан Фэн смотрел на маленький грязный шарик, который послушно ползал рядом с У Чжу. Он действительно не мог понять ситуацию, о которой рассказывал этот парень.

— Толкая тебя вниз, не боится ли он, что у Вэнь Цина сложится о нем плохое впечатление?

— У Лю Панцзы есть невеста, — объяснил Линь Юй.

— Верно! Его семья устроила для него брак, когда он был молод. Даже если он не хочет, ему все равно придется послушно жениться!

На сердце У Чжу стало немного легче, когда он вспомнил, что Лю Панцзы нравился Вэнь Цин, но он не мог открыто преследовать его.

Оказывается, ситуация такова. Тан Фэн кивнул:

— Уже поздно, давай вернемся.

Тан Фэн и Линь Юй встали и приготовились идти домой. Когда Тан Фэн подошел к воротам, он больше не мог сдерживаться и повернулся к У Чжу, который махал им рукой:

— Ты, если ты не находишь это хлопотным, то искупай и это маленькое животное.

Линь Юй вдруг понял, что дело не в том, что его муж не хотел держать собаку, а в том, что он не хотел держать грязную собаку.

У Чжу подождал, пока Тан Фэн и Линь Юй не ушли, и растерянно уставился на упомянутого щенка, который весело тьявкал:

— Зачем его мыть? Собаки должны быть грязными, чтобы хорошо выглядеть. Не так ли, Сяо Хэй*?

Сяо Хэй - маленький черный, черныш.

Изначально светлая маленькая «черная собачка» согласно гавкнула.

Хозяин, этот щенок любит быть таким же грязным, как и ты~.

Во второй половине дня все три пруда с рыбой были закончены.

Время от времени к двери дома Тан приходили люди, чтобы отчитаться.

Ежегодно в селе рождаются несколько детей. Помимо похода в дом старосты для подачи заявления на регистрацию домохозяйства и поездки в город для регистрации больше ничего не нужно. В эту эпоху было не так уж много дел, для решения которых жителям нужна была помощь старосты. Но новорожденные появляются каждый год, и отец Тан не может вспомнить, в каких семьях в деревне за последние несколько лет родились дети, а в каких нет.

Поэтому каждый год после открытия прудов с рыбой каждое домохозяйство в деревне будет сознательно сообщать в дом старосты количество человек в своей семье.

В этом году человек, сидящий во дворе и ведущий учёт - это Тан Фэн. Стол, кусок древесного угля и стопка небольших деревянных бамбуковых дощечек стали его «офисным местом».

— Лю Лаосань, в семье пять человек, — с улыбкой сказал растрепанный старик, сидящий перед Тан Фэном.

Как только Тан Фэн услышал эти слова, он посмотрел на Лю Амо.

— Хорошо.

Имея способного мужа, фулан дома, естественно, тоже будет неплох, просто детей балует слишком сильно.

С помощью угля Тан Фэн написал хорошим почерком несколько красивых традиционных китайских иероглифов на чистом куске бамбука.

Несколько жителей деревни, стоявших в очереди, посмотрели на почерк Тан Фэна. Хотя они были неграмотны, они чувствовали, что этот почерк был очень сильным.

— Письмо действительно хорошее.

— Да, да.

— Я думаю, что этот почерк даже более гладкий, чем у Сюэя из семьи Вэнь, — худощавый гер средних лет взглянул на Вэнь Амо неподалеку и зашептал на ухо человеку рядом с ним.

Взгляд Вэнь Амо дрогнул, в его глазах мелькнула тень презрения. Он лениво сказал Тан Фэну:

— В самом деле, нельзя судить кого-то по внешнему виду. Почему я не слышал, что ты тоже ходил в школу?

Тан Фэн улыбнулся, поднял голову и сказал мягким и вежливым голосом:

— Я уже давно сижу дома, поэтому, чтобы скоротать время, я изучал книги, которые мой третий дядя дал мне.

Тан Фэн давно ожидал, что такая ситуация может произойти, поэтому он использовал в качестве оправдания тот факт, что его тело в плохом состоянии, и он может только изучать и практиковаться в написании иероглифов самостоятельно, чтобы объяснить свои достижения в каллиграфии.

Кто-то дал ему такую возможность, как он мог её упустить?

Как только эти слова прозвучали, взгляды, которыми эти люди смотрели на него, снова стали жалеющими.

Лицо Вэнь Амо также значительно смягчилось. Он стряхнул несуществующую пыль со своей одежды, повернулся и ушел.

Ну и что, если он умеет хорошо писать? С таким больным телом этот Тан Фэн всё равно ничего не добьется. Он даже женился на таком гере, как его можно сравнить с Вэньшу из его собственной семьи.

Увидев, что Вэнь Фулан ушел, остальные тоже больше не любопытствовали. Они поздоровались с Тан Фэном, прежде чем уйти один за другим, остался только тот гер, который только что разговаривал с ним:

— Не обращай на него внимания, я вижу, что у тебя есть способности. У тебя ещё долгая жизнь впереди, кто проиграет, а кто выиграет – большая загадка!

Тан Фэн не ожидал, что слова этого человека будут звучать так круто.

— Спасибо, Лаомо*.

Используется как обращение к постороннему геру старшего поколения.

Тан Амо, который только что вернулся после кормления свиней, услышал обращение Тан Фэна и сказал:

— Ты забыл? Это твой Ван Лаомо, его муж — Сюцай старшего поколения в нашей деревне!

Вот оно что, недаром этот человек говорил не так, как другие жители села. Тан Фэн встал и почтительно поклонился Ван Лаомо:

— У меня плохая память, мне очень жаль.

Ван Лаомо несколько махнул рукой, морщины на его лице стали глубже:

— В этом нельзя винить тебя. Ты не часто выходишь, поэтому для тебя естественно забывать лица людей. Практикуйся усердно. Я попрошу тебя написать куплеты для нашей семьи во время китайского Нового года в этом году.

После этого Ван Лаомо обратился к Тан Амо, который поставил заднюю корзину на землю:

— Мой муж уже стар, его руки начинают трястись, когда он пишет, поэтому мне придется побеспокоить Тан Фэна из вашей семьи.

Тан Амо был немного смущен, пока краем глаза не заметил руку Тан Фэна, постукивающую по маленькому кусочку бамбука с иероглифами на нем; тогда он внезапно понял.

Раньше Тан Фэн уже упоминал, что он практиковался в написании иероглифов согласно книге своего третьего дяди, Тан Амо даже несколько раз видел это. Но неожиданно фулану Ван Сюцай действительно понравилась каллиграфия А Фэна. Тан Амо был в восторге.

— Вы слишком добры, когда придет время, не стесняйтесь обращаться к нему, — Тан Амо улынулся и помахал рукой уходящему Ван Лаомо.

После того, как он ушел, Тан Амо поспешил к столу Тан Фэна и взял стопку написанных им

деревянных дощечек. Он был полон удивления, когда рассмотрел внимательно.

— Это, это просто почерк твоего третьего дяди!

Тан Фэн улыбнулся. Он старался подражать почерку Го Саньцзю, иначе, если бы он использовал свой собственный каллиграфический стиль, не начали бы его подозревать другие?

— Мой хороший сын! Почему ты не показывал мне раньше? Ты даже сказал, что это некрасиво и повредит мне глаза! — Тан Амо вспомнил предыдущие слова Тан Фэна и почувствовал, что тот уклоняется от ответа, но в его глазах не было недовольства. В конце концов, Тан Фэн добился успеха, как его Амо мог быть несчастлив?

— Разве это не стало для тебя приятным сюрпризом? После этого дня кто в деревне сможет сказать что-нибудь о том, что я бесполезный больной человек? — Тан Фэн воспользовался возможностью, чтобы подбодрить своего Амо.

Тот был так счастлив, что смеялся до тех пор, пока из его глаз не выступили слезы.

Автору есть что сказать:

Однажды Тан Фэн прикоснулся к своему светлому и нежному лицу, вспоминая, каким крутым он был парнем, источающим мужские гормоны, в прошлой жизни. Его глаза сверкнули, и в голове появилась идея.

В это время как раз было лето. Чтобы достичь своей «цели», Тан Фэн выходил посидеть во дворе на табуретке всякий раз, когда солнце было в самой высокой точке, и смотрел на небо под углом сорок пять градусов.

Один день, два дня, три дня... неделя...

— А-а-ай!

Ночью из комнаты Тан Фэна и Линь Юя донесся крик боли.

— Ты, в самом деле! Загорать целыми днями! Ты что, не знаешь, как сейчас жарко?! Посмотри, какой солнечный ожог у тебя на лице! — Линь Юй осторожно втирал мазь в кожу Тан Фэну, у которого было загорелое лицо, и обеспокоенно ругал его.

— ...

Он просто хотел загореть, кто знал, что вместо этого он сожжет себе слой кожи!

— Повернись и наклони голову, мне нужно намазать тебе шею, — сказал Линь Юй.

— Ой!

Тан Фэн сморщился, но послушно повернулся спиной и опустил голову, обнажая красную шею.

Свиная трава - сорняк, называется «щирица запрокинутая» или «амарант запрокинутый». Является съедобной (листья), используется в народной медицине.

<http://bllate.org/book/16055/1434427>